

Василий Головачев
Заповедник смерти

«ЭКСМО»

Головачев В. В.

Заповедник смерти / В. В. Головачев — «Эксмо»,

ISBN 5-699-12389-X

Как далеко простираются границы Вселенной? Одиноки ли мы в просторах Космоса и когда произойдет первый контакт? Возможны ли путешествия во времени и между параллельными мирами? Где предел человеческим возможностям? Все эти проблемы чрезвычайно актуальны сейчас, в начале третьего тысячелетия. Василий Головачев имеет собственные взгляды на будущее человеческой цивилизации и на устройство мироздания и убедительно отстаивает их в своих произведениях.

ISBN 5-699-12389-X

© Головачев В. В.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Головачев

Заповедник смерти

Пролог

ФАКТЫ МИНУВШЕГО ДНЯ

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

В понедельник тринадцатого августа в десять часов утра в Шочипилье, по улице Уанкавелика, огибающей президентский дворец с тыла, двигался длинный белый автомобиль – «Линкольн» выпуска восемьдесят седьмого года.

За рулем машины сидел плотный крупнолицый человек в строгом сером костюме сотрудника комиссариата внутренних дел. Он то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида и, казалось, решал какую-то задачу.

Наконец он принял решение, остановил машину и хотел выйти, но сомнения вдруг охватили его с новой силой, заставив около двух минут взвешивать цель приезда.

Полицейские в белых касках, охранявшие второй вход на территорию дворца, переглянулись. Один из них положил руку на приклад карабина и медленно направился к машине. Дальнейшее произошло в течение минуты.

Из-за поворота Уанкавелики к площади Оружия вынеслись две автомашины: черный «Мерседес» и серый «Шевроле», в несколько секунд преодолели расстояние до «Линкольна». Раздались pistolетные выстрелы и автоматные очереди. Водитель «Линкольна» открыл стрельбу раньше, ухитрился убить водителя «Мерседеса» и пробить переднее колесо «Шевроле». Обе машины столкнулись, и хотя сидевшие в них люди были профессионалами и продолжали стрелять, все же заминка позволила владельцу «Линкольна» объехать место аварии и устремиться прочь. Его машина была буквально изрешечена пулями, но сам он казался заговоренным. В то же мгновение навстречу из-за поворота ограды дворца вывернули еще два автомобиля, такие же, что и первые, сцепившиеся бортами. Автоматные очереди залаяли с новой силой.

«Линкольн» резко вильнул вправо и врезался в чугунную узорчатую ограду резиденции Отца страны. Удар. Фейерверк осколков лобового стекла. Водитель невероятным кульбитом перелетел через острые наконечники вертикальных прутьев ограды, но остался цел и невредим. Приземлившись на ноги, как заправский гимнаст, господин в сером бросился бежать по газонам дворца с такой быстротой, какую не показывают даже спринтеры на соревнованиях, но автоматный огонь был слишком плотен – сидящие во всех четырех машинах стреляли из автоматов «узи», грохот стоял, как во время настоящего сражения, – и водитель «Линкольна» успел пробежать всего шагов двадцать (каждый – в три-четыре метра!). Пули нашли его, вонзились в спину, а он продолжал бежать, только медленнее, метров через десять остановился, покачиваясь, повернулся, поднял руку вверх – пули продолжали рвать его тело – и упал...

Только после этого охранники дворца опомнились. Сержант в будке включил сирену, а его напарник выстрелил вверх, заорав:

– Бросайте оружие!

Компания преследователей расселась по машинам с ошеломляющей быстротой, не обращая внимания на полицейских, взревели моторы, два «Шевроле» и «Мерседес» исчезли, осталась поврежденная машина с лопнувшим скатом, без номерных знаков.

Стрелявший полицейский, открыв рот, смотрел на нее во все глаза, не веря, что остался жив. Сержант выключил сирену, выскочил из будки.

– Снова террористы прикончили жертву. Нашли место. Ты видел, как он бежал?

Полицейский прокашлялся, вспомнил о карабине и закинул его за спину.

– Дураки проклятые! Зря тревогу дал, капитан по головке не погладит. Пошли посмотрим, кого они там пришили.

Сержант открыл проход в ограде, и они рысцой направились к убитому.

Человек в сером костюме, ставшем на груди бурым от крови, лежал на спине и... был еще жив! Его глаза остановились на попятившихся полицейских, губы искривились в усилии выговорить слово.

– Передайте... они... – сказал он тихо, но четко. – Передайте... они эксперименти...

Пуля ударила его прямо в висок и откинула голову влево. Он замолк.

Полицейские, не услышав выстрела – стреляли из винтовки с оптическим прицелом и стрелок был далеко, – схватились за карабины, попятились еще дальше, озираясь по сторонам. К ним подбежал командир поднятого по тревоге взвода охраны.

– Что случилось, Хуан?

– Не видишь? – грубо ответил сержант, первым опустив карабин, и мрачно повернулся к товарищу. – Это конец, мой дорогой Тики. Ну и подстраховочка у них, чувствуешь, а? Уж не профи ли это работа?

– Кто это? – Командир взвода кивнул на убитого, в то время как его люди цепью шли к ограде. – Ну и наделали дырок! Дуршлаг, а не... – Полицейский нагнулся и присвистнул. – Ну и ну! Да это же... это же Пино!

Перед ними лежал комиссар полиции Шочипилья Альберто Тауро дель Пино.

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Четырнадцатого августа посадка на вечерний рейс «Боинга-747» компании «Эйр Паракас», обслуживающей международную авиалинию Шочипилья – Лима, проходила в атмосфере деловой суматохи: пассажиры искали места, рассаживались, начинали знакомиться, кто-то уже требовал стюардессу, пилоты осматривали салоны громадного трехсотпятидесятиместного лайнера, двенадцать стюардесс в коротких юбочках «писко» с блистательными профессиональными улыбками помогали пассажирам устраиваться на местах.

В салоне первого класса в носу самолета было тише, чем в других салонах, публика здесь подобралась солидная: торговые агенты, адвокаты, юристы, представители фирм и компаний, банковские служащие; все они давно прошли школу авиапассажира и чувствовали себя свободно и раскованно. И лишь один пассажир, худой, чернобородый, одетый в белый европейский костюм, был напряжен и возбужден, хотя и скрывал это от всех. Он сидел во втором ряду у прохода и, делая вид, что смотрит в иллюминатор, наблюдал за входом в салон.

Стюардесса ввела новых пассажиров, по виду – янки, или, как их называли в Паракасе, гринго. Оба загорелые, дюжие, в полотняных костюмах «туна» местного производства, увешанные фотоаппаратурой. Черноволосый американец жевал резинку, его напарник, похожий на него неподвижным, сонным лицом, но посветлей, сдвинул на лоб широкополый соломенный «стетсон» со шнурками. Оба шутили с бортпроводницей, однако глаза их оставались холодными и внимательными.

Американец в шляпе скользнул по салону равнодушным взглядом, мгновение смотрел на уткнувшегося в журнал чернобородого и молча прошел на свое место в пятом ряду возле прохода. Его спутник поблагодарил стюардессу и, что-то сказав со смехом товарищу, заснял на пленку ноги уходящей девушки. Сел он, однако, на другой стороне прохода, напротив запасного люка.

Посадка заканчивалась, стюардессы начали обход палубы, пилоты принялись задрать люки, и в этот момент чернобородый вдруг отбросил журнал и рванулся по проходу вон из салона. Тем не менее его внезапный бросок не оказался неожиданным для «фотолюбителей».

Оба вскочили почти одновременно, мгновенно вытащив из сумок и баулов пистолеты бесшумного боя. Чернобородый сделал акробатический прыжок, распластался в воздухе над головами молодых людей, никто не заметил удара, но пистолеты вылетели из рук. Взвизгнули дамы.

Чернобородый упал, как кошка, на ноги, тут же развернулся и наградил преследователей ударами, от которых оба грохнулись на пассажиров по обе стороны прохода. Но из-за двери в салон вышли еще двое крепких парней с пистолетами, и чернобородый сделал то, чего от него никто не ожидал, кроме тех, кто за ним охотился. Он прыгнул к борту самолета там, где стояли столики для настольных игр, и двумя ударами рук... проломил стенку борта! В салоне наступила изумленная тишина, вытянув шеи, пассажиры смотрели на невероятную картину. Лишь вооруженные пистолетами молодчики не были ошеломлены и, вероятно, учитывали возможности своего подопечного. Они открыли огонь в тот момент, когда чернобородый ударом ноги пробил в борту брешь, достаточную для того, чтобы в нее пролезть. Но и после того, как в беглеца впились пули из двух пистолетов, он упал не сразу, успев пролезть в дыру. Упал он уже наружу.

Четверо молодых людей: американцы-«фотолюбители» и прибывшие позже – исчезли из салона, прежде чем в дело вмешались вооруженные летчики и агенты безопасности. Беспрепятственно выпрыгнув из самолета, они расселись по машинам, ожидавшим их неподалеку, и растворились в ночи.

Убитый в белом костюме остался лежать в полусотне метров от шасси самолета. Как он туда дополз с дюжиной пуль в спине, никто сказать не мог. Из отъезжающей последней автомашины хлопнул негромкий выстрел – контрольный, как говорят военные. Пуля попала чернобородому в голову: убийцы были аккуратны и дело свое знали.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

– Душно здесь, – сказал Хонтехос, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

Его собеседник внимательно посмотрел на профессора: в кабинете было прохладно, на улице стояла прекрасная погода – плюс двенадцать градусов – еще не весна, но уже и не зима, и в открытое окно в кабинет проникал живительный аромат свежего воздуха. Говорили, что известный ученый-параканист Карлос Хонтехос, один из исследователей долины Аймара в Паракасе, заблудился в сельве и проплутал три недели, но капитан полиции Пикаля Доминго Эрнандес слухам не верил по должности. «Интересно, – подумал он, – с чем заявился в полицию профессор? Не для того же, чтобы сказать банальность?»

– Вы правы, – кивнул Хонтехос, – не для того.

Эрнандес изобразил удивление; впрочем, он и в самом деле был удивлен, хотя в телепатию не верил, опять же – по должности.

– И правильно делаете, – снова кивнул Хонтехос. В глазах его сквозь туман тоски мигнули веселые огоньки. – Телепатии не существует. Пока. Хотя эта возможность заложена в человеке. Но я не об этом. До вас дошли слухи, что я много дней бродил в сельве. Вы не поверили и правильно сделали, я не заблудился: меня похитили. С какой целью – долго объяснять, у меня нет времени, за мной охотятся, потому что я ушел от них и теперь являюсь свидетелем. Я понятно выражаюсь?

Эрнандес не сказал ни да, ни нет. Он был флегматиком по натуре, унаследовав не только характер матери, принадлежавшей к племени кечуа, но и способность отца-испанца к логическим построениям. Капитаном полиции Пикаля он стал благодаря именно своим математическим способностям, ровному отношению к товарищам и философскому складу ума. Индейцев – коренное население Паракаса – он не только терпел и не притеснял, пользуясь властью, но и уважал, чем завоевал популярность даже среди воинственных горных племен кечуа и аймара

– потомков инков, лично соблюдая три заповеди инков: амасуа, амальюлья, амакелья – не будь вором, не будь лжецом, не будь трусом.

– Я хотел сделать заявление. – Хонтехос замолчал, явно пребывая в затруднении, пожевал губами. – Только прошу не считать меня сумасшедшим и больным, я вполне трезв и здоров. – Профессор усмехнулся. – Даже более чем здоров. Хотите проверить? Мне семьдесят три года, а выгляжу я на восемьдесят, не так ли?

Эрнандес критически оглядел ученого: старик был сух, тонок, лицо пергаментное, в морщинах, единственное богатство – пышная седая шевелюра. Да, возраст читается легко.

Хонтехос улыбнулся, взял со стола капитана массивную бронзовую пепельницу и почти без усилий разломил ее руками на две части. Подал обломки полицейскому.

– Это чтобы придать вес тому, что я хочу сообщить.

Эрнандес, хмыкнув, повертел в руках обломки пепельницы, попробовал пальцем свежий излом и поставил обломки на стол.

– Однако вы фокусник, профессор. Как вы это делаете?

Хонтехос не успел ответить.

Со звоном разлетелось стекло единственного окна кабинета, брызнула кровь, профессора силой удара бросило на второй стол с пишущей машинкой. В затылке его зияла дыра величиной с кулак. Эрнандес упал за свой стол, рванул с пояса пистолет и вдруг увидел, что Хонтехос... встает! Ученый со смертельной раной в затылке медленно оторвался от стола, повернул голову к капитану и отчетливо произнес два слова:

– Сильяр... чаранга...

Вторая разрывная пуля – выстрела капитан снова не услышал, стреляли с улицы из винтовки с оптическим прицелом – попала Хонтехосу в щеку и отбросила к стене.

Эрнандес выстрелил в потолок, и в кабинет вбежали помощник и двое дежурных, остановились на пороге, глядя на представившуюся глазам картину: их шеф выглядывал в окно с пистолетом в руке, а возле забрызганной кровью стены лежал убитый двумя выстрелами в голову профессор истории и археологии Карлос Хонтехос да Сильва.

ШВЕЙЦАРИЯ, БЕРН

Где-то далеко-далеко, на краю света, зазвенели вдруг хрустальные колокольчики. Их звон коснулся слуха, но не умер сразу, а продолжал звучать все тише и тише, пока не стал бесплотной тенью звука...

Кристофер приоткрыл глаза, боясь утонуть в голубизне. Он лежал в траве на вершине холма. Пахло медом и цветами, над лицом, скрывая горизонт, покачивались под ветром стебли пушицы и кинрея, было тепло и солнечно, и не хотелось выползть из пещеры сладкой дремы, в которой витали древние воспоминания о чьих-то добрых и ласковых руках...

Снова зазвучали колокольчики. Шевельнулась Диана. Ее голова лежала на сгибе его локтя.

– По-моему, это вызов, Крис.

– Меня нет, – сказал Кристофер сонным голосом. – Я в отпуске.

Звон повторился, еще раз и еще.

– Какой настырный! – с досадой сказала Диана. – Ответь ему, Крис, он не отстанет. Это наверняка Мак Хелбрайт.

– Надо было послушать совета Корна и уехать, – вздохнул Торвилл. Осторожно высвободил руку и, не вставая, пополз вниз с холма. Диана засмеялась вслед.

– Жаль, что твой «Дацун» не ручной, как «Мустанг».

Кристофер дополз до своей голубой машины и дотянулся до радиотелефона.

– Здесь Торвилл.

– Дежурный МС-2 Хелбрайт. Вы заняты, Кристофер?

Вопрос был риторический. Кристофер покосился на Диану, выглядывающую из травы с травинкой во рту. Очарование летнего, пьянящего свежестью дня уступило место ожиданию неизвестной тревоги.

– Придется отложить отдых, – извиняющимся тоном продолжал дежурный. – Вас разыскивает Неран.

– Не говорил, что ему от меня надо? Дежурство группы закончилось, все разъехались кто куда... И я тоже.

Дежурный засмеялся.

– По-моему, вас просто хотят наградить. Неран будет ждать в четыре ноль-ноль по Цюриху в Лозанне, в центре.

– Буду, – после короткого раздумья сказал Кристофер, предпочитая обходиться минимумом жестов и слов, где это было возможно.

– Я все слышала, – заявила Диана. – Вот почему я не хочу выходить за тебя замуж. Спасатели не принадлежат самим себе, а я хочу, чтобы ты был мой на все сто процентов.

– Хочу, не хочу... – пробормотал Кристофер, покосившись на эмблему горно-спасательной службы на рукаве своей форменной рубашки. – Логика женщины редко выходит за рамки двух слов: «Я хочу».

Он плашмя упал в траву, полежал немного, глядя на Диану, задумчиво покусывающую травинку, и привлек ее к себе.

– К черту шефа, Нерана, Альпы и вообще все горы на земле! Сегодня же вечером махнем на юг, в Италию, к морю. Выбирай место. А вообще странно, что меня вызывают в центр. Может быть, просто нужна консультация?

– Может быть, – протянула Диана насмешливо. – Сколько таких «может быть» на моей памяти! Снова, наверное, кто-то потерялся в горах, вот и вызывают.

Кристофер покачал головой.

– В этом случае меня вызывали бы на КСП¹, а не в центр. А вдруг дежурный прав и меня ждет награда? Разве я не достоин?

– Достойн, достойн. Давай не будем говорить о работе, до четырех еще целая пропасть времени. Используем его с пользой.

Кристофер осторожно перевернулся и поцеловал Диану в шею.

Ветер затих...

В три часа Торвилла встретил в холле ЕВРОСПАС – Европейского центра горноспасательной службы – руководитель альпотряда Фредерик Неран и, пожав ему руку, сделал жест следовать за ним.

Нерану пошел сорок шестой год. Родился он в Гааге, с двенадцати лет жил в Австрии, а в девятнадцать переехал в Швейцарию. Исходил Альпы вдоль и поперек, вместе с шерпом Ноухи покорил все альпийские четырехтысячники по сложнейшим маршрутам и в тридцать лет стал обладателем «Золотого триконя» за покорение северной стены Пти-Дрю в одиночку.

Потом в тридцать два он сорвался с карниза Гранд-Жорас и полгода пролежал в Берне в клинике Спалинского с переломом локтевого сустава. Три года тренировал руку и снова ушел в горы проводником альпийских групп. В сорок лет ему предложили работу в МС-2 – швейцарском отряде спасательной службы альпинистов ЕВРОСПАС. Он согласился. Торвилл, которому пошел двадцать шестой год и который прослыл альпинистом без нервов, попал в МС-2 случайно и сначала не собирался работать там долго, но под влиянием Фредерика Нерана остался в отряде навсегда.

В кабинете президента ЕВРОСПАС Ольбора Троэльс-Лунна находились двое мужчин в костюмах «информэл дрэсс» по американской моде, не скрывающих природного телосложе-

¹ КСП – контрольно-спасательные пункты; располагаются у базовых альпинистских и горно-спасательных лагерей.

ния. Держались они свободно, раскованно, и Кристофер определил в них руководителей высокого ранга.

– Знакомьтесь, господа, – сказал президент ЕВРОСПАС по-английски. – Фредерик Неран, руководитель МС-2 «Лемур», и начальник первой группы Кристофер Торвилл.

Старший из гостей, высокий, с гладко выбритым лицом и седыми баками, наклонил голову.

– Гарольд Годфри Мейнард Косински.

Его напарник, в свою очередь, слегка поклонился.

– Стэнли Джордж Миллер. – Голос у него был приятный, с хрипотцой.

Руководители горно-спасательной службы раскланялись в ответ.

Троэльс-Лунн вышел из-за рабочего стола, жестом пригласил всех к овальному столу и креслам в углу кабинета возле мини-бассейна, выложенного голубым кафелем.

Все расселись, поглядывая друг на друга. Секретарь прикатил низкий столик с напитками, с содовой, ловко разлил в бокалы оранжевый шипучий киа-ора и исчез.

– Мистер Косински – начальник международной комплексной археологической и этнографической экспедиции в Паракас, – сказал Троэльс-Лунн. – А Миллер – квартирмейстер экспедиции. Название «Паракас» вам ни о чем не говорит?

Спасатели переглянулись.

– Кажется, это государство в Южной Америке, на границе с Перу.

Президент ЕВРОСПАС кивнул.

– Совершенно верно, небольшая страна на границе Перу и Боливии, шесть миллионов населения, столица – Шочипилья, семьсот тысяч жителей, государственные языки – испанский и кечуа. Вы знаете испанский?

– Да, – сказал Неран. Торвилл молча кивнул.

– Вот и прекрасно. Дело, по которому наш центр посетили высокие гости, ordinarily: вас хотят пригласить в качестве альпинистов передового отряда, экспедиция будет работать в основном в горах. Но прошу хорошо взвесить все «про эт контра», прежде чем решать. Итак, господа, прошу вас.

Руководители экспедиции одинаково оценивающе посмотрели на президента ЕВРОСПАС.

– Мы хотели бы, чтобы наша беседа осталась эксдиректори...²

– В кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств, – сказал Троэльс-Лунн, – прослушивание практически исключено, хотя я не вижу необходимости.

Разговор продолжался на английском, хозяева владели им свободно, хотя больше привыкли к немецкому и французскому.

– Хорошо, – сказал Косински. – Джентльмены, цель нашего визита ясна: нам нужны опытные скалолазы. Поскольку выбор пал на вас, никто не сомневается в вашей компетентности, и все же предупредить необходимо: Паракас – не обычная страна, эта страна – памятник культуры и искусства древних индейских цивилизаций и, к сожалению, представляет интерес не только для ученых, но и для... – Косински поискал слово, – для контрабандистов и любителей наживы всех мастей. Что накладывает определенные ограничения и создает трудности для работающих там иностранцев. Могут произойти... – Косински снова замялся, – разного рода инциденты, и в каждом случае надо совершенно точно знать, как реагировать, что делать. Вы меня понимаете?

Неран и Торвилл понимали.

– Если вы согласны, – продолжал начальник экспедиции, – то подробный инструктаж получите от моего коллеги, который уже давно занимается подготовкой. – Кивок в сторону

² Эксдиректори – закрытый (англ.).

Миллера. – Я же вкратце сообщу о причинах, побудивших готовить международную экспедицию.

Три года назад в высокогорном районе Паракаса недалеко от города Пикаль была открыта долина Пируа, практически отрезанная от остального мира скальными стенами, своеобразный «затерянный мир» по Конан-Дойлю. В научных кругах это открытие породило сенсацию – не тем, что открылось новое «белое пятно» в географии, а тем, что долина оказалась «кладом» реликтовой флоры и остатков древней доиндейской цивилизации, не уступающей, судя по всему, доольмекской и любой другой культуре. Кроме того, в долине живет странное племя, совершенно изолированное от нашего мира на протяжении последних веков.

Правительство Паракаса, дабы предотвратить грабеж долины браконьерами и частными «исследователями», издало указ об образовании в долине заповедника со всеми вытекающими отсюда последствиями, а год спустя при содействии ООН и ЮНЕСКО в Пикале решено было открыть международный исследовательский центр – Пирин, как мы называем его для краткости, то есть Пируа-институт. Единственной трудностью, причем практически непреодолимой, оказалась высота расположения долины – более четырех тысяч метров над уровнем моря, а также ее изолированность. Вертолеты на таких высотах хоть и летают, но грузы доставить в заповедник, – Косински отпил глоток напитка, – не могут, да и сесть им негде – долина сплошь поросла сельвой, сквозь крышу которой пробиться невозможно. Отсюда и решение доставить экспедицию в долину через южную скальную стену, она немного ниже остальных и расположена невдалеке от Пикаля.

Неран скептически поджал губы.

– Стоит ли приглашать для такого простого дела альпинистов из Европы? Неужели в Паракасе нет своих скалолазов?

– Разумеется, есть, – спокойно сказал Косински. – Но, во-первых, дело это не такое простое, как всем представляется, а во-вторых, у местных альпинистов нет опыта «безнадежного» спуска. Есть и в-третьих.

Косински отпил еще один глоток киа-ора, промокнул губы.

– В группу скалолазов экспедиции будет входить ваш давний знакомый Джонатан Улисс. Это он назвал ваши имена.

Неран и Торвилл переглянулись. Президент ЕВРОСПАС нахмурился.

– Улисс? Но ведь он, насколько мне помнится, не горноспасатель, а... профессиональный искатель приключений.

– Это меняет дело, – сказал Неран. – Улисс – альпинист экстра-класса, один из немногих, кто овладел свободным соло³. Я согласен, господа. Думаю, Кристофер тоже согласен. Где сейчас Улисс? Я не видел его четыре года.

– Он закончил Рочестерский университет, – сказал Миллер, – но работает в Италии тренером одной из частных привилегированных школ.

– По альпинизму?

– Нет, это называется спецподготовкой: стрельба из всех видов оружия, борьба, приемы хатха-йоги, аутотренинг и так далее.

Троэльс-Лунн покачал лохматой, без единого седого волоса головой.

– Я же говорил, он авантюрист. Впрочем, вам видней.

– Авантюрист – совсем не такая уж плохая характеристика, – улыбнулся Косински. – Этот парень мне понравился. Он был гонщиком, пожарным, полицейским, цирковым артистом, акробатом, каскадером. В Китае изучал санчин-до, в Японии – карате, бокс – в Таиланде.

³ Свободное соло – метод так называемого «чистого подъема» на скалы без всяких приспособлений, основанный на силе рук, координации и ловкости.

Участвовал в кругосветном путешествии на воздушном шаре, переплывал Ла-Манш в одиночку, охотился на акул, прыгал с парашютом с Килиманджаро и так далее.

– Но главное, – вставил кивающий на каждое слово начальника экспедиции Неран, – что он альпинист от Бога. Что касается его душевных качеств... я до сих пор жалею, что он ушел из отряда.

– Что ж, – вздохнул Троэльс-Лунн, – вам с ним работать, не мне. Благословляю вас, Фредерик. Когда намечается экспедиция?

– Подготовка уже идет. – Косински поставил бокал и встал, за ним остальные. – Непосредственный поход в долину Пируа планируется через две-три недели, но вам надо быть в Пикале уже завтра. За работу в Паракасе вы получите гонорар – десять тысяч долларов плюс премия за риск. Подходят вам такие условия?

– Вполне, – сказал Неран. – Завтра мы будем в Пикале. Если не будет трудностей с визами.

– Билеты на самолет заказаны, – сказал Миллер. – Вы летите с нами сегодня в девять вечера. Снаряжение брать не надо, там все есть. Визы получите в Шочипилье. Вопросы еще есть?

Торвилл засмеялся, за ним Неран и Троэльс-Лунн.

– Ну и хватка, – сказал президент ЕВРОСПАС. – Жаль, что я вышел из формы... тридцать лет назад, а то пошел бы с вами.

Гости откланялись.

«Интересно, – подумал Кристофер, – что я скажу Диане?»

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Джонатан Улисс прибыл в Шочипилью двадцать второго сентября.

В столице Паракаса он не был ни разу, но ориентировался в ней неплохо благодаря изученной карте города, полученным сведениям и кинофильму, который просмотрел дважды. Поэтому найти улицу Унион с отелем «Маури» не составило большого труда.

Осмотрев номер и бросив вещи, не распаковывая, Улисс начал обход достопримечательностей Шочипильи. Для начала он обошел центральную часть города от площади Оружия до площади Сан-Мартина с конной статуей Сан-Мартина, полюбовался на старую Шочипилью с ее старинными домами в мавританском стиле: квадратные башни с замысловатым орнаментом украшали полукруглые фасады зданий, дворики были выложены булыжником или вымощены крупной галькой, сохранились и деревянные колоннады, и крытые переходы, построенные еще в шестнадцатом веке.

Издали Улисс осмотрел фасады президентского и муниципалитетского дворцов, кафедрального собора, импозантного здания «Торгового дома Оэчсле», посидел в сквере возле фонтана, струи которого били из пастей невиданных зверей. Никто не шел сзади, не изображал гуляку, случайно остановившегося неподалеку.

Тогда Улисс обошел президентский дворец по улице Такна и медленно прошелся по улице Уанкавелика мимо северного входа, где неподвижно высились двое полицейских в белых касках с карабинами за плечами. Ничто уже не напоминало, что здесь почти месяц назад произошло загадочное убийство комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино. Однако Улисса интересовало другое: расстояние, которое успел покрыть комиссар до того, как упал. Счет тогда шел на секунды, и растерявшиеся свидетели – охранники дворца могли дать не совсем точную оценку событий, но и они отметили, что комиссар жил слишком долго: когда преследователи открыли огонь, он был в полусотне метров от ограды, а упал, пробежав метров тридцать.

От президентского дворца он направился в иммиграционную службу. Чиновник понравился Улиссе. Внешне симпатичный парень, который должен нравиться женщинам. Глаза –

цепкие, зоркие, внимательные – выдавали в нем человека с богатым жизненным опытом, сильного и знающего себе цену. Он понравился Улиссу сразу, хотя работать мог на любую контору, кроме своей официальной, от контрразведки Паракаса до ЦРУ США.

Он задал несколько ничего не значащих вопросов. Улисс честно ответил на все, и они расстались, довольные друг другом.

Пожинав в кафе дымящейся похлебкой, картошкой по-уанкайски, с рисом и черной фасолью, шашлычками «антикучо», Улисс направился в отель, где должен был дожидаться квартирьера экспедиции Миллера в течение двух суток.

Отель «Маури» ночью походил на глыбу, взрывом вырванную из каменоломни. Освещенный паркинг отеля был невелик и полностью забит автомашинами всех марок и моделей.

Улисс взял ключ у сверхвежливого портье, одетого по европейской моде, сунул ему монету в четверть инти и по лестнице поднялся на самый верх отеля – на пятый этаж. Дежурный на этаже встретил его профессиональной улыбкой, предложил кофе и проводил внимательным взглядом.

Комнаты номера давили тишиной.

Улисс распахнул окно и включил музыку – здесь стоял роскошный японский кассетник «Сейко». Раздавшаяся мелодия удивила: Григ, увертюра «Осенью». Улисс ожидал чего-нибудь в стиле уанка-майо. Что ж, вкус у гостиничного персонала вполне...

Джонатан привычно обошел гостиную, спальню, проверяя память – все ли стояло и лежало так, как он оставил? Кажется, ничего не тронут: саквояж, костюмы, белье.

Мебель в стиле чиппендейл – рококо с обилием тонкой резьбы. Неплохо, хотя отдает снобизмом. Улиссу приходилось жить в таких роскошных апартаментах – когда позволял бюджет. Он разделся, полчаса тренировал блокировку при ударе сзади, принял душ и постоял у зеркала, рассматривая себя с тщательностью кокетки. Бифкейк⁴, как говорят англичане. Лет двадцать пять – если судить по телу, тридцать – если по лицу, и лет пятьдесят – по глазам. Н-да, господин Улисс, сложный вы человек, как заметил сэр Косински, человек с прочными идеалами, проживший несколько жизней – если судить об опыте не по количеству прожитых лет, а по числу событий, растянутых на годы. «Бессмертный» Улисс, не знающий слова «страх», чудом избежавший смертельных объятий лавин и каменных склепов глубоких пропастей и ущелий... Пятнадцать лет риска, не поддающегося никакому учету, из них три года – борьба с судьбой в горах, где человек подобен слезе на ресницах Аллаха – по тибетской пословице... Думал, ну наконец-то остановился, сделал окончательный выбор. В горах, пожалуй, как нигде, чувствуешь вкус борьбы со стихией. Но нет того ощущения победы, которое испытываешь, победив сильного противника-человека. И он снова ушел. Потом были два года жизни по инерции – после гибели женщины, на которой он хотел жениться... Небольшая остановка перед новым перегоном риска. Нет, состояние консонанса – не для него...

Переодевшись в вечерний халат «а-ля инка», Улисс проверил, хорошо ли заперта дверь, и через наушники еще раз прослушал кассету с материалами о корпорации «Птичий глаз», взявшей на себя финансирование международной экспедиции в неисследованный уголок Паракаса.

Родословная корпорации уходила довольно глубоко в прошлое, в девятнадцатый век, одно это говорило о ее конкурентоспособности. Возникла она в шестидесятых годах прошлого столетия в Англии как компания по перевозке замороженных продуктов. В начале двадцатого ее руководители были втянуты в аферу с расширением рынка сбыта, и после разоблачения махинаций, суда, смены руководства и реорганизаций она стала именоваться компанией по консервации и перевозке фруктов. А уже в семидесятых годах, перешагнув границы Великобритании, превратилась в гигантскую транс-национальную корпорацию «Птичий глаз», в компанию авиа- и автосервиса. Фургоны, холодильники на колесах, суда, самолеты и вертолеты с

⁴ Бифкейк – сплошные мышцы; о мужчине атлетического телосложения (англ.).

эмблемой КАС и стилизованным птичьим глазом можно было встретить и в Европе, и в Азии, и в Австралии – на всех материках земли.

Уничтожив кассету с информацией, Улисс улегся на диван и стал листать отчет Пирина за прошлый год, состоящий, по сути, из двух десятков отчетов – по числу его научно-исследовательских отделений. Судя по ним, можно было понять, что некоторые попытки проникнуть в долину Пируа все же увенчались успехом. Ученые сумели немного изучить флору долины: бук, тис, мирт, платан серебристый, акация, кипарис, эвкалипт, панданус, жаботикаба и лепидодендрон – реликт, исчезнувший на земле миллионы лет назад; и ее фауну: ленивцы, муравьеды, броненосцы, из хищников – ягуар, священный зверь индейцев, около двух десятков змей, удавы-анаконды и множество более мелких зверьков, а также насекомые, от гигантских бабочек до термитов. В принципе, нормальное население сельвы, без особых отклонений от нормы, разве что отсутствуют москиты – бич сельвы, и это прекрасно! Зато в растительном мире долины отклонений от нормы больше. И, наконец, племя индейцев, населяющих долину.

Улисс нашел фотографию аборигена. Пигмей, рост четыре с половиной фута, гладкое лицо, довольно правильное, скулы почти не видны, губы пуговкой, зато нос занимает пол-лица – настоящий «орлиный», отличительная черта всех индейских племен Америки. И умные, настороженные глаза. М-да, дружить с такими опасно.

Улисс отбросил отчет, закинул руки за голову, подумал: если правительство Паракаса не остановит доступ в долину дельцов и бизнесменов, эти симпатичные индейцы, застывшие в развитии где-то на уровне бронзового века, окажутся под угрозой исчезновения. Опыт геноцида у американцев накоплен колоссальный, примеров хищнического отношения со стороны сильных мира сего к слабым – сотни! Правда, в последнее время слабые стали понимать, что они не одиноки, что у них есть друзья, готовые прийти на помощь в борьбе за свободу и независимость.

Часы пробили одиннадцать вечера.

Улисс достал из нагрудного кармана фотографию: Анна поправляет волосы на затылке с рассеянной улыбкой. Это было шесть лет назад. Осталась только единственная фотография... и память...

Некоторое время Джонатан боролся с собой, потом смял фотографию, щелкнул зажигалкой и поднес комочек бумаги к огню.

Он уже собирался выключить свет и ложиться спать, как вдруг в соседней комнате раздался шум.

Улисс прислушался. Говорили двое, громко и зло, что-то упало, закричала женщина. Интересный компот. Что они там не поделили?

Снова удар, звон стекла, теперь женщина кричала, не переставая. Улисс различил на испанском «помогите» и «больно». Черт бы их подрал! Разве можно так обращаться с женщинами? Он надел шлепанцы, вышел в халате в коридор. Дежурного на месте нет, никого в коридоре. И шума не слышно. Джонатан поколебался, но для очистки совести решил постучать в дверь соседнего номера – не приснились же ему крики?

Дверь открылась, словно его ждали. Перед альпинистом стояла женщина ослепительной красоты с профессиональной улыбкой на умело подкрашенных губах.

– Вам кого?

– Извините, – пробормотал Джонатан. – Мне показалось, что у вас кто-то кричал.

– Телевизор, – ответила женщина, разглядывая его с видимым интересом. – Входите.

– Извините, уже поздно...

Женщина улыбнулась.

– А на вид вы не трус. Входите же, я не кусаюсь.

Улисс пожал плечами и вошел. И лишь пройдя в гостиную, понял, что сделал это напрасно.

В гостиной горели бра, на стене висел работающий телевизор, а у журнального столика с бутылкой «Писко-сауэр» и тремя бокалами стоял, поигрывая брелоком, мужчина крепкого сложения с равнодушным, словно сонным лицом, в рубашке с короткими рукавами и джинсах.

Улисс оглянулся, и ситуация вообще перестала ему нравиться: сзади приближался еще один здоровяк и вертел в пальцах кастет. Глаза у него были холодными и цепкими, прицеливающимися. Он явно не годился для роли брата красотки, как и первый головорез для роли ее друга.

– Добрый вечер, – сказал Улисс, делая вид, что не понимает цели маневров тройцы. Впрочем, он и в самом деле не понимал.

Женщина коротко рассмеялась, взяла со столика бокал, отпила глоток и села в кресло, закинув ногу на ногу; они у нее были красивые, полные, туго обтянутые чулками-сетками.

– Самовлюбленный павлин в халате. Сидел бы в номере, и все было бы тип-топ, а теперь придется раскошелиться.

– Это шутка? – сухо спросил Улисс, досадуя, что влип в историю. Надо же, забыл про телевизор!

– Пошевеливайся, приятель, – негромко сказал громила сзади. – Не заставляй девушку ждать. Триста долларов – и мы разойдемся, довольные друг другом.

Улисс оглянулся, оценивая противников. На обыкновенных вымогателей эти парни походили так же, как воротилы бизнеса на безработных. Интересно, этот номер с криками и бранью подстроен заранее или все получилось случайно? Парням захотелось развлечься?

– Сожалею, мисс. – Джонатан вздохнул. – Но у меня нет никакого желания дарить вам три сотни долларов. Надеюсь, шутка закончилась и я могу идти к себе. Извините за вторжение. Попросите этих джентльменов пропустить меня.

В руках у соннолицего вдруг вместо брелока оказался пистолет – «люгер» с глушителем. Улисс понял, что у него почти нет выбора, к тому же показалось, что в его комнате кто-то есть. Он без приседа, не меняя позы, прыгнул в центр комнаты к спортсмену, который, переоценив преимущество положения, опустил пистолет и смотрел на женщину, потягивающую вино. Реакция у гангстера была неплохая, но он успел лишь вскинуть оружие. В следующее мгновение ребро ладони Улисса опустилось на бицепс противника, а удар ногой в голову отбросил его к шкафу.

Второй вымогатель мгновенно стал в стойку, нацепив на левую руку кастет. Улисс сделал обманное движение и успокоил его уколом пальца в нервный узел на шее. Оглянулся на женщину, сидевшую в прежней позе и с любопытством наблюдавшую за ним поверх бокала, и выбежал в коридор.

В его номере царил бедлам: белье из шкафа выброшено, кровать распотрошена, стулья опрокинуты, саквояж стыдливо показывал внутренности, вещи разбросаны по полу, по столу. Рылись, судя по масштабу разгрома, несколько человек, что-то искали. Что?

Улисс закрыл дверь – коридорный на этаже все еще отсутствовал, – вызвал лифт и опустился на второй этаж, где дежурил полицейский.

Вялый коричневолицый сержант с усами щеточкой выслушал его лаконичное повествование о нападении и попытке ограбления, сделал непроницаемое лицо и похлопал Джонатана по плечу:

– Кто-то решил пошутить, сеньор, а у вас уже и штаны мокрые. Пойдем посмотрим на твоих «террористов».

Они поднялись в номер Улисса.

Шкаф стоял на месте, белье аккуратно лежало на кровати, сложенное стопкой, саквояж стоял в углу. Ни одной вещи на полу или столе. Быстро работают, профессионально. Теперь ясно, что происшествие с «вымогателями» в соседней комнате – отвлекающий маневр. Кто же это все устроил и для чего?

Сержант сдвинул фуражку на затылок.

– М-да! Ты, часом, не лунатик, парень? Наркотиками не балуешься?

Улисс сделал вид, что совершенно сбит с толку. Пугаясь, он стал длинно рассказывать, как в соседней комнате на него напали двое, пытаюсь ограбить.

– Чушь! – перебил полицейский, чей добродушный вид был весьма обманчив; дело свое он знал туго. – Ты что, и в халате ходишь с бумажником? Пошли посмотрим теперь на твоих обидчиков.

Они остановились у двери соседнего номера, сержант постучал и сказал негромко:

– Откройте, полиция.

Дверь щелкнула, приоткрылась, в щель выглянул полный господин в пижаме, с животом и лысиной на полчерепа.

Сержант козырнул.

– Этот человек утверждает, что в вашем номере на него напали двое неизвестных. Вы подтверждаете?

Толстяк очень натурально вытаращил глаза.

– Что?! У меня? Я уже давно сплю. Он что, сумасшедший? – говорил он по-испански с акцентом.

Сержант повернулся к Улиссу.

– Он?

Джонатан отрицательно покачал головой.

– Те были моложе... и с ними была женщина.

– Женщина?! – возмутился толстяк. – Я никогда не приглашаю к себе колгел⁵, я порядочный человек и семьянин и не позволю...

Полицейский прервал речь «семьянина» взмахом руки.

– Тихо! – Он снова повернулся к Улиссу. – Вы настаиваете на своей версии с нападением?

– Нет, – сказал Улисс. – Видимо, мне и в самом деле просто приснился отвратительный сон.

– Ну и отлично. Не пей на ночь неразбавленное виски. – Сержант хохотнул, похлопал Улисса по спине и ушел, насвистывая сквозь зубы мотивчик из «Минни глас». Толстяк, бурча, смерил Улисса взглядом и закрыл дверь.

Джонатан вернулся к себе, осмотрел комнаты, ванную, туалет, тщательно запер дверь и только после этого позволил себе расслабиться окончательно. Все же трудно выдавить из себя идиота, напуганного ночным кошмаром. Едва ли полицейский находится в сговоре с вымогателями, просто он достаточно опытен и знает, как успокаивать постояльцев, не впутывая полицию в грязные дела. Каждый хочет жить, а до пенсии этому здоровяку еще далеко.

Значит, проверка, примитивный маггинг. Интересно, сколько их было на самом деле? Четверо? Нет, вероятно, пятеро, а то и больше, иначе они не успели бы за те десять минут, пока Улисс бегал за помощью, убрать следы чужого присутствия в номере. Но унести тех двоих далеко они не могли, спрятали где-то в одном из соседних номеров. Если поискать, найти их можно, не скоро они еще опомнятся от ударов.

Джонатан усмехнулся и тут же помрачнел, понимая, что проявил себя далеко не с лучшей стороны. Трюк с «женским криком о помощи» известен давно, и клевать на него простительно только желторотому юнцу.

Улисс встал на руки, сделал ширш-асану. Три минуты – внутреннее созерцание, еще пять – полный отдых тела, расслабить мышцы, связки, минута – остановка сердца, потом «массаж» печени, селезенки, почек, желудка... Все! Он вскочил и побежал в ванную. Вода – основа жизни, ежедневный душ – половина здоровья.

⁵ Колгел – красотка в номер.

Насухо вытерев тело, Джонатан переоделся в спортивный костюм и вышел на балкон. Мысли все еще вертелись вокруг визита непрошенных гостей, удовлетворения собой он не чувствовал, наоборот, все больше крепла уверенность в том, что надо было позволить «вымогателям» сделать свое дело, а не сопротивляться. Правда, с другой стороны, играть «дурака» опасно, гангстерам не всегда нравятся глупцы, дрожащие за свою шкуру, особенно мужчины в расцвете лет. Трусость сильного всегда противоестественна... и противна.

Полчаса Улисс любовался безлунным небом и слабой иллюминацией Шочипильи. Время перевалило за полночь, и никому из жителей города не было никакого дела до Джонатана Улисса, альпиниста, бродяги по характеру, тридцати с лишним лет от роду, которого только что вполне могли убить...

Улисс разгладил лицо руками и приказал себе прекратить самоанализ. Толку от этого было мало, никто не мог сказать ему, правильно ли он поступил, и даже собственная интуиция молчала. Мысль о вознаграждении и ожидание боя несколько согревали душу. Джонатан был игроком, любившим игру не из-за конечного результата, а ради самого процесса игры. Главным для него было действие, борьба, жесткое состязание ума, ловкости, хитрости и силы, балансирование на тонкой струне над пропастью небытия. Конечно, нельзя сказать, что результат был ему неважен, но все же он любил игру в чистом виде, а игрой могло быть все, что угодно, в том числе и война с террористами, шантажистами и гангстерами.

Как и любой деловой человек своей среды, Улисс был способен идти на компромиссы, в том числе и со своей совестью, но все же от многих искателей приключений его отличала одна черта: он никогда никого не предавал, не отказывался от обязательств и слыл человеком слова...

Перед сном Джонатан еще раз проверил, не пропало ли что-нибудь из снаряжения и не оставил ли вечерний визитер «микрошпионов» – подслушивающие устройства, и только после этого лег спать.

ШВЕЙЦАРИЯ, БЕРН —

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

Торвилл загляделся на ловкие пальчики диспетчера архива, порхающие по клавиатуре терминала, и пропустил вопрос мимо ушей.

– Что вы сказали? – с виноватой улыбкой переспросил он. – Простите, я отвлекся.

– Медицинскую карту тоже? – повторила вопрос девушка.

– Да, медкарту тоже.

Диспетчер кивнула, и снова ее пальцы, живущие, казалось, отдельно от рук, побежали по панели терминала.

Архив ЕВРОСПАС был полностью автоматизирован и снабжен пневмопочтой, поэтому на поиск и получение нужного документа уходило от силы пять-шесть минут.

Во внутренностях приемной станции пневмопочты что-то зашипело, заурчало, откинулся квадратный лючок, девушка протянула руку и вытащила из отверстия коробку с эмблемой ЕВРОСПАС и выбитым на крышке номером. Открыла крышку и высыпала на столик стопку документов: личное дело Джонатана Улисса, медкарту, копии наградных листов, карточку учета кадров, фотографии.

– Он что, умер? – полюбопытствовала диспетчер.

– Боже упаси! – Торвилл заложил документы в пластиковый конверт. – Пропал без вести, как говорят. Не знаю, зачем его документы понадобились шефу?

Торвилл потоптался возле стола, ощущая исходящую от девушки волну любопытства и почему-то сострадания.

– Простите, но меня просили напомнить... очень важно... Все, что мы сейчас сделали, идет под пометкой «служебная тайна».

Лицо девушки осталось деловым, сосредоточенным, но сочувствие излучать она перестала.

– Если бы я этого не понимала, я бы здесь не работала.

Кристофер пробормотал извинение и ушел из архива, досадуя неизвестно на кого и неизвестно за что. Конечно, настроение от того, что отпуск сорвался, а Диана улетела отдыхать, не могло быть хорошим, но задание было интересным, и надо настроиться на него полностью, чтобы исключить даже возможность неудачи.

Неран был один. Он ходил из угла в угол кабинета, заложив руки за спину.

– Я готов, – сказал Торвилл, выкладывая на стол конверт из архива. – Здесь вся документация по Улиссу.

Неран кивнул, вытащил из конверта фотографию альпиниста четырехлетней давности и рассматривал некоторое время.

Улисс был высок, поджар, с рельефными мышцами атлета. Овальное лицо с твердым ртом спокойно и малоподвижно, в серых внимательных глазах прячется вызов.

Низкорослый, худощавый, похожий на мальчишку, Торвилл всегда благоговел перед крупными, сильными мужчинами. Это тайное молчаливое восхищение родилось в детстве: Кристофер рос без отца, заступиться за него было некому – ни в школе, ни во дворе, – и он мечтал вырасти высоким и сильным, чтобы воздать обидчикам должное. Будучи хилым и болезненным, нрав он имел яростный и неукротимый, не пасовал перед авторитетами и вечно организовывал для самоутверждения всякие отчаянные мероприятия. Он и в горы пошел из-за самоутверждения, чтобы доказать другим, а больше себе, что он кое-чего стоит, и «заболел» горами на всю жизнь.

– Вижу, у тебя нет настроения. – Неран прищурился. – Диана, наверное, обиделась, что не удалось провести отпуск вдвоем?

– Не успел спросить. – Кристофер пожал плечами.

– Тогда в машину, до посадки в самолет всего полтора часа. Кстати, – остановил Торвилла начальник отряда. – У тебя не возникало вопроса: почему мы согласились на не свойственную нам работу?

– Это было первое, о чем я подумал, – признался Торвилл с виноватой улыбкой. – Но потом понял, что эта работа – тоже спасательская, разве что в ином плане. Меня иногда подмывало сменить амплуа...

– Но престиж горноспасателя оказывался выше других профессий, так?

Кристофер подумал.

– Доля правды в этом есть, я не чужд профессионального тщеславия и честолюбия. Но главное – я знаю, что нужен.

Сквозь маску сурового, чуждого сентиментальности человека на лице Нерана проступило выражение нежности, но длилось это столь краткий миг, что Кристофер не поверил глазам своим.

Их начали «пасти» в здании аэропорта, но ни Торвилл, ни Фредерик Неран, ни Косински с Миллером, встретившие спасателей у стойки с номером их рейса, ничего не заметили. «Пастухов» было несколько, и связь между собой они поддерживали через микрорации, незаметные глазу, замаскированные под перстни, кольца, серьги и другие мелочи мужского и женского обихода.

В Лиме группа наблюдателей сменилась и передала прибывших «из рук в руки» сменному отряду «пастухов» в Шочипилье, который вел руководителей экспедиции до Пикаля. Все разговоры между членами экспедиции были, таким образом, зафиксированы и переданы резиденту ЦРУ в Пикале, заинтересованному во всех деталях, касающихся открытия долины Пируа.

Единственный отель в Пикале назывался «Ривьера» и отличался от парижского прародителя так же, как сарай с углем отличается от пирамиды Хеопса. Впрочем, номера в нем были неплохие, не слишком дорогие, но со всеми полагающимися удобствами, с телефоном, телевизором и даже с кондиционером.

Бросив вещи, не распаковывая, на широкий диван, Торвилл переоделся в легкую одежду, подождал, пока переоденется Неран, и они отправились знакомиться с Пикалем, Пиринном, климатом и бытом одного из типичных уголков Паракаса – страны невиданного горного хаоса и древних руин.

Пикаль ничем не отличался от сотен других таких же городков с населением в несколько тысяч человек, расположенных на склонах гор на Парамо – так на местном наречии называлось плоскогорье высотой от трех с половиной до четырех тысяч ста метров. Так же, как и всю страну, его населяла мозаика рас: белые, индейцы, метисы, негры, мулаты, китайцы, гринго – американцы, хотя преобладали, конечно, индейцы – кечуа и аймара, а из белых – испанцы и португальцы.

Хотя на улицах Пикаля было немало трех- и пятиэтажных домов, а на главной улице – Кольмене – стоял даже десятиэтажный «небоскреб», все же глаз то и дело наткнулся на синюющие горные вершины, окружавшие город со всех сторон, довлевшие над ним, молчаливые и суровые, как и весь этот край. Однако, несмотря на солидную высоту над уровнем моря, дышалось здесь довольно легко, что оказалось для Торвилла приятной неожиданностью: он привык к постоянной нехватке кислорода на высотах свыше двух километров.

Лето в Паракасе, как и в других странах южного полушария, наступало в декабре, и сентябрь был началом весны, поэтому днем температура держалась на уровне восемнадцати-двадцати градусов, а ночью снижалась до четырнадцати-шестнадцати. В общем, климат здесь был мягкий, отчего настроение Торвилла наконец начало подниматься.

Он с удовольствием рассматривал архитектуру Пикаля, очень похожую на архитектуру столицы Паракаса – Шочипильи. При постройке зданий использовались в основном эквадорский дуб и седрелло – испанский кедр, а также каоба. Фасады более современных зданий отделывались белым известняком – сальяром, который легко поддавался обработке и резьбе. Резные деревянные двери, ажурные металлические решетки на окнах, традиционно закрытые снизу балконом, могли удовлетворить эстетические вкусы любителей старины любой нации. Неудивительно, что на улицах Пикаля было много туристов.

Кристофер обратил внимание на дюжих молодцов с мускулистой выпуклой грудью, и Неран пояснил, что у всех индейцев высокогорья хорошо развита грудная клетка – кислорода на высотах около трех с половиной километров все же в два раза меньше, чем на равнине.

Они потолкались на городской ферии – базаре, где женщины в пончо и чульо, шерстяных шапочках-ушанках, продавали с лотков и тележек фрукты и овощи, изделия кустарей, обувь, одежду и сладости. Торвилл попробовал «халву доньи Пепы», сваренную из муки, меда, корицы и тростникового сахара, оказалось вкусно, купил еще. У шестов с одеялами из шерсти ламы и альпаки мелькнуло знакомое лицо. Кристофер даже остановился – это был Улисс, но человек тут же затерялся в толпе, и ответить на вопрос, был ли это на самом деле Джонатан Улисс, никто не мог.

Торговля с тележек и колясок велорикш шла и на улицах Пикаля. Продавали всякую всячину: свечи размерами от мизинца до полутора метров в длину, статуэтки Христа, поделки из серебра, тростника тоторы, медвежьих когтей, тапочки из меха ламы, индейские мокасины и «археологические древности», найденные в горах.

Назвать город зеленым было нельзя, тем не менее деревья и кустарники на его улицах и площадях, где почти не ходил транспорт, встречались часто: низкие оливковые деревья, реликтовые кенуали, альгарробо, виноград и низкорослый кустарник тола, напоминающий можжевельник. Попадались и манговые, и даже бананы, оплетенные ползучим вьюном.

Альпинисты обошли Пикаль за два часа, побывали у Кальбидо, здания городского совета, посетили развалины какого-то древнего замка, возле которого высились серебристые резервуары нефтеперегонного завода «Кочан», и, усталые, побрели в отель, делясь впечатлениями. В Пирин, который был построен на северной окраине города, в стороне от людской суеты деловых и торговых кварталов, решили явиться на следующий день. Времени у них было много, первая экспедиция в горы была назначена на октябрь, ближе к лету, к хорошей погоде.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

С тех пор, как в Пикале был построен исследовательский археологический центр Пирин, или, как его называли приученные к лаконичности жители города, П-центре, у начальника полиции Доминго Рауля Эрнандеса не было спокойного дня. Он сразу был вовлечен в странные события, порой жуткие, порой курьезные, но всегда исполненные тайного и темного смысла.

Началось все с убийства Карлоса Хонтехоса, известного во всем Паракасе ученого-паракиниста, ставшего заместителем директора Пирина. А затем пружина событий начала закручиваться все туже и туже, не оставляя времени на тщательный анализ обстановки и размышления о долге полиции «сохранять мир и спокойствие».

В день приезда группы горноспасателей из Швейцарии, которым был доверен штурм стены Тумху, скрывающей за собой долину Пируа, из склада Пирина было похищено пять комплектов снаряжения для альпинистов. В тот же день произошла авария в аэропорту Пикаля, если можно назвать аэропортом взлетную полосу длиной в две мили и одноэтажное бунгало с двускатной крышей, построенное из адобе – глиняных кирпичей. Трехместный вертолет «Бертелли», как оказалось, не принадлежавший ни одному из гражданских ведомств, ни экспедиции, врезался в ангар с авиатехникой Пирина и взорвался. Взрыв разворотил алюминиевую крышу ангара, останки вертолета упали на тягач, начался пожар, но, к счастью, взорваться и гореть в ангаре было нечему. Пожар затушили, а из кабины извлекли троих: двое – летчики, третий – индеец-пигмей из долины Пируа. Как он попал в кабину «Бертелли», никто сказать не мог, потому что оба пилота скончались в госпитале Пикаля спустя три часа после аварии. Индеец остался жив, но молчал, не понимая вопросов, заданных ему специалистами по южноамериканским языкам, вызванными из Пирина.

Эрнандес лично участвовал в расследовании причин аварии наряду с экспертом Интерпола, прописавшимся в Пикале после открытия долины Пируа, но результатов не добился: вертолет не регистрировался в хозяйстве Пирина и не был приписан ни к одному из аэродромов страны, в том числе и к военным, а пилоты не числились в списках обслуживающего аэродром Пикаля и экспедиции персонала. Точка.

Капитан, как и после убийства Хонтехоса, связался со службой безопасности в Шочипилье, проанализировал возможные места нарушения границы разбившимся вертолетом, предполагая, что тот летел откуда-то из-за границы с Боливией, но сотрудник безопасности посоветовал Эрнандесу заниматься своими делами и не мешать. И капитан сделал вывод, что его служебное рвение имеет пределы. Тогда он взялся за изучение долины Пируа, справедливо полагая, что это может пригодиться ему в ближайшее время: как только передовая группа экспедиции найдет проход в долину, начнется новый этап ее прямого изучения, связанный с определением границ использования ее археологических памятников и установлением государственного контроля за соблюдением правил экоэтики. Однако оказалось, что информация о долине Пируа уместается на трех страницах машинописи. Летчики, открывшие долину, и единственная группа исследователей, сумевшая на вертолете пробиться в Пируа и прожить там четыре дня, слово в слово повторяли одно и то же: долина вытянута в меридианальном направлении, разделена, как соты, перегородками из скал на десятки почти недоступных участков, заросших мощным покровом сельвы, и представляет собой идеальный «затерянный мир» по Конан-Дойлю, разве что без реликтовых представителей фауны вроде летающих ящеров

и динозавров. Но останки древнеиндейских сооружений археологи обнаружили, и очень богатые, судя по описаниям, хотя для их изучения нужны были десятилетия и усилия многих сотен специалистов из разных стран.

Тогда капитан стал без особой цели составлять досье на прибывающих в Пикаль иностранцев и паракасцев, не предполагая, к чему это его приведет в ближайшем будущем. Для этого дела он выделил молодого смышленного инспектора Алехандро Фьерро и дал ему в помощь сержанта Вюмера, немца по национальности, пожилого, но неглупого и умеющего держать язык за зубами. В тот же день Эрнандесу позвонили из Сегуридад, и уже знакомый работник безопасности сказал в трубку не очень вежливо:

– Капитан, оставьте самодеятельность. Ваше дело – поддержка порядка во вверенном вам регионе, международный исследовательский центр – не ваша епархия, как и прибывающие иностранцы. Как и уголовные дела, с ними связанные. Если появится необходимость, мы вас привлечем. Уяснили?

Капитан уяснил и дал зарок ни во что не вмешиваться, даже если Пирин взлетит на воздух, хотя совсем не работать он не мог.

За прошлую неделю в Пикаль, кроме альпинистов Нерана и Торвилла, а также начальника экспедиции Косински с помощником Миллером, прибыли врач Дэвид Аллен, американец; представитель комиссии экононадзора ООН Рыбин, русский; эксперты-археологи Сигурд Ингстад, норвежец, и две женщины – Джой Эксмур и Мириам Фитлинн. Джой работала врачом, Мириам – ботаником. Обе женщины, судя по описаниям Алехандро, были из разряда «старых дев», и почему их в предпенсионном возрасте понесло в Паракас, в горы, Эрнандес понять не мог.

Проанализировав поступившие материалы, капитан запер их в сейфе, пообедал в кафе «Баньян» и снова приехал в аэропорт. Его необъяснимо тянуло туда, словно тайна разбившегося вертолета была крепко связана с его собственной судьбой.

Инспектор Кеведо-и-Вильегас, официально занимавшийся разбившимся вертолетом, встретил его на поле возле автофургона с эмблемой компании «Птичий глаз»: два голубых переплетающихся кольца и в центре глаз орла.

– Как дела, Уго? Что удалось выяснить?

Инспектор, тучный, лоснящийся от пота, потрогал свои длинные усы.

– Шеф, по аварии ничего нового выяснить не удалось. Не задень они старую антенну возле ремонтного ангара, ничего бы не случилось и никто ничего бы не узнал. Но тут есть занятая деталь. – Капрал снова подергал ус, понизил голос. – Возле ангара крутится подозрительный тип и, кажется, тоже интересуется разбившимся вертолетом.

– И кто же он, узнал?

– Нет, сеньор капитан. Молодой и ловкий, выше вас, в серых брюках и рубашке, сумка через плечо.

– Хорошо, разберемся. Пошли еще раз посмотрим на это место.

Ангар с ремонтирующейся техникой обслуживания аэропорта, где произошла авария, уже функционировал: алюминиевую крышу в месте взрыва залатали, поврежденную технику починили, пятна гари смыли и закрасили.

Эрнандес с любопытством прошелся по ангару, в котором было не так жарко, как снаружи, разглядывая мочные машины, автотрапы, тягач, трактор и заправщик. Ангар изнутри казался больше, в нем было сумрачно, гулял сквозняк, принося запахи бензина, солянки, масел, нагретого металла. Возле одного из скипов стоял вертолет «Бертелли» без стекол, со снятым винтом и помятым носом. В кабине возился техник в комбинезоне с «глазом» на плече, еще трое выправляли обшивку, грохоча пневмокувалдами. За вертолетом шумел вентилятор, автопогрузчик укладывал в стену контейнеры.

Капитан понежился в струе воздуха от вентилятора, побродил вокруг вертолета, стараясь не мешать работающим, попытался представить, как произошла авария.

Поскольку вертолет взорвался, значит, бак с горючим был полон, поэтому причиной аварии отсутствие топлива быть не могло. Остается грешить на пилотов: либо они были неопытны, либо не учли какие-то факторы, пролетая мимо антенны.

Эрнандес обошел тягач и не заметил, что за ним пристально наблюдает один из техников ангара.

Итак, пилоты... Неопытность отпадает, в условиях аэропорта, расположенного в горах, гробануться можно в два счета, значит, работать здесь должны асы. А какие факторы могли не учесть пилоты? Внешние отпадают, погода была тихая, безветренная, видимость отличная. Внутренние, скажем, пилот был пьян... Чепуха, его не выпустили бы на трассу. Хотя не исключено. Неполладки в управлении? Комиссия таковых не нашла. Был странный маневр, словно пилота кто-то подтолкнул под локоть, в результате чего вертолет рыскнул в сторону и вниз и врезался в старую антенну.

Эрнандес задумчиво погладил горячую стенку одного из боков ремонтной мастерской.

Маневр... словно пилота толкнули... Кто мог его толкнуть? Напарник? Он не самоубийца... Тогда остается индеец-абориген, обнаруженный в кабине. Куда его дели потом?..

Кто-то дотронулся до плеча капитана.

– Салют, камарадо.

Эрнандес оглянулся и узнал того самого сотрудника «Департаменте Сегуридад» – паракасского департамента государственной безопасности, с которым он беседовал по делу Хонтехоса месяц назад с глаза на глаз.

– Отойдем, капитан, – сказал сегуридо, молодой, загорелый, спокойный.

Они вышли из ангара под защиту фургона «Континенталь».

– Что вы здесь делаете, сеньор Эрнандес? Мы же с вами обо всем договорились и по телефону беседовали о том же: не суйтесь в это дело, оно вне вашей компетенции. Лавров оно не принесет, а для продвижения по службе достаточно четкой организации работы полиции при ловле торговцев наркотиками. Ваша самодеятельность доставляет нам только лишние хлопоты. Уберите этого болвана с аэродрома и давайте больше не возвращаться к этой теме. Идет?

Эрнандес сдвинул фуражку на затылок, сплюнул на бетон и засек время, за которое плевок испарился наполовину.

– Двадцать семь градусов, – сказал капитан полиции и поднял безмятежный взгляд на собеседника, который не уступал ему в умении держать себя в руках. – Я понял вас. Эдак я и вовсе останусь без работы, а? Если понадобится, звоните, всегда к вашим услугам.

Эрнандес вскинул два пальца к фуражке и, окликнув капрала, зашагал к зданию аэропорта. Однако, не дойдя тридцати шагов, повернулся к видневшейся из-за бунгало наблюдательной вышке. Полицейский рысил сзади, обливаясь потом и мечтая о глотке воды.

Капитан поднялся на вышку, где за стеклом торчали трубы дальномера, и панорама Пикаля в окружении сельвы и гор развернулась перед ним во всем великолепии. Минут двадцать он разглядывал поле аэродрома, горную цепь на юге, стену Тумху на севере, за которой пряталась долина Пируа, а еще дальше – граница, и сказал вслух:

– Ясно, что вертолет летел с севера. Солнце светило им в глаза, вот летчики и налетели на антенну.

Эрнандес бросил последний взгляд на горы и увидел высоко над ними черную точку: это парил король Анд – кондор.

ШОЧИПИЛЬЯ – ПИКАЛЬ

Наутро голоногая горничная в голубой юбке с крохотным белым фартучком принесла ему конверт.

– Это вам, сеньор.

Улисс удивленно пожал плечами.

– Мне? Вы не путаете, сеньорита?

– Нет, велено передать альпинисту Улиссу из двадцать первого номера. Вы Улисс?

– Вчера еще был Улиссом, благодарю вас.

Оставшись один, Джонатан тщательно осмотрел и прощупал конверт, но никакого подвоха не обнаружил. Внутри, судя по всему, клочок бумаги, и все. Интересно, кто мог знать, что в Шочипилье он остановится в отеле «Маури», да еще в двадцать первом номере? Улисс вскрыл ножом конверт, поймал выпавший листок голубой банковской бумаги с водяными знаками, на котором было начертано всего одно слово по-английски: «Берегись!»

Хмыкнув, Улисс посмотрел бумагу на просвет, на всякий случай подержал над пламенем зажигалки – ничего, пусто – и спрятал послание в карман саквояжа. Оделся в свой обычный костюм: джинсы, бело-голубая майка с эмблемой фирмы «Кено», перекинул через плечо ремень фотоаппарата «Минолта» и отправился по обычному маршруту: «старый город» – площадь Оружия – муниципалитетский дворец – улица Уанкавелика.

Улицы «старого города», мощенные булыжником и адобе, были забиты толпой туристов, на площади Оружия с фонтаном и светильниками прошлого столетия народу было поменьше, а на улицах, огибающих президентский и муниципалитетский дворцы с тыла, бродили только кошки и редкие случайные прохожие: жилых домов здесь не было. Улисс сделал несколько снимков президентского дворца, не обращая внимания на охранников, наблюдавших за его манипуляциями, и направился прямо к ним.

– Простите, капитан, – обратился он к сержанту-полицейскому по-испански. – Я репортер, представляю «Диарио де ла тардэ». Разрешите сделать пару снимков этого великолепного реликта с газона внутри?

Сержант сделал непередаваемый жест, могущий означать все, что угодно, – от разрешения до отказа. Он был молод, но опыт имел немалый и на обращение «капитан» не реагировал совсем.

Улисс подошел к ограде и снял то место, где был убит комиссар полиции Альберто Тауро дель Пино.

– Говорят, у вас тут месяц назад произошла какая-то история с комиссаром, – сказал он и посмотрел на второго охранника, смуглого верзилу с лицом красавчика-херувима.

– Так бы сразу и сказал. – Сержант снисходительно сплюнул под ноги. – Проваливай, писака. Все, что можно выжать из этого дела, газетчики уже выжали, ты опоздал.

– Да? – Улисс разыграл жадное любопытство, что в общем-то и не надо было особенно разыгрывать, и сожаление. – Наши читатели любят сенсации, особенно в разделе уголовной хроники. Я аккредитован в столице, но, к сожалению, был в отъезде. Капитан, всего два слова для нашей газеты: что здесь произошло? Кто убил комиссара и за что? И правда ли, что он умер только через час, хотя в него попало сто пуль? Назвал ли он имя убийцы?

Полицейские, настроенные добродушно, переглянулись, сержант покачал головой.

– Все газетчики одинаковы, способны из мухи сделать слона. И откуда это в вас берется? Слышал, Гарсиа? – Сержант посмотрел на своего напарника. – Сто пуль! В то время как в комиссара попало всего тридцать две. И умер он почти сразу, через пару минут, а не через час. Откуда ты набрался такой чепухи, приятель? Спрячь игрушку, не то засвечу пленку, здесь нельзя фотографировать.

– Так ведь писали... – Улисс нехотя засунул фотоаппарат в футляр. – Всего-то две минуты? Из этого сенсации не выжмешь. Извините, полковник, видимо, придется искать другой материал. Спокойного дежурства.

Улисс перешел улицу, оглядываясь с видом великого разочарования, сфотографировал еще раз ограду и будку охранника и незаметно выключил миниатюрный кассетник в кармане

рубашки. М-да, сеньор сержант, только таким лопухам, как вы, и охранять президента. Комиссар Пино жил *две минуты* после того, как в него попало тридцать пуль, из них двенадцать разрывные и две – в голову! Как такое возможно?..

Джонатан свернул на улицу Кьедрас-Неграс, и в это время в десяти шагах от него затормозил оранжево-голубой пикап с эмблемой «Птичьего глаза». Из него выскочили, шурясь на солнце, трое крепких парней в одинаковой униформе: серые джинсы и серо-белые куртки с короткими рукавами, с кармашками на груди и на боках, белые кепи. Делают вид, что вышли размяться. Интересный поворот.

Улисс нагнулся, завязывая шнурок на кроссовках. Сзади в тридцати шагах еще трое, одетые в местные вестидо: коричневые пончо, большие соломенные шляпы, сандалии из грубой кожи, но все трое выделяются из толпы прохожих особой поступью, упругой и в то же время словно крадущейся. Какого рожна им надо? Еще одна проверка на прочность? Не слишком ли много проверок для скромной особы бывшего альпиниста, а сейчас тренера в школе физической подготовки, соблазненного большим денежным призом за восхождение на стену Тумху в Пикале и завербованного для этой цели руководством экспедиции в долину Пируа?

Джонатан остановился возле стеклянной витрины посудной лавки и сделал вид, что разглядывает ажурное керамическое блюдо. Но молодцы из «Птичьего глаза» искали именно его. Один из них остановился за спиной Улисса и похлопал его по плечу.

– Очнись, сеньор фотокорреспондент, хочу тебе кое-что напомнить.

Джонатан оглянулся через плечо. Ба, знакомые все лица – один из вымогателей в гостиничном номере! Тот, что подходил сзади. Привычка такая? Или он всегда выступает вторым номером?

– Гони монету, – продолжал молодой верзила, держа правую руку так, как держат профессионалы карате. – Только такса несколько увеличилась со вчерашнего вечера.

Он не знал, что Улисс был специально тренирован для нападения из самых невыгодных с виду положений.

Удара не заметили ни сам вымогатель, ни его друзья, ни прохожие. Собственно, это был и не удар. Улисс безошибочным выпадом пальца нашел тянгу – нервный узел яремной выемки на груди парня. Тот мягко осел на тротуар.

– Помогите, ему плохо, – позвал Джонатан оторопевших дружков потерявшего сознание «грабителя». Пока те соображали, в чем дело, Улисс быстро пересек улицу и нырнул в переулок, заметив, что троица компаньерос в шляпах, подстраховывающая основных задир, в нерешительности мнется поодаль.

Вернувшись в гостиницу, он упаковал вещи, вызвал такси и через час был в аэропорту, откуда начинался его путь к месту основных событий – в Пикаль. В Шочипилье ему больше нечего было делать.

Время полета он проспал, убедившись, что никто им не интересуется ни в открытую, ни исподтишка. При посадке полюбовался горным пейзажем и разливом сельвы к северу от Пикаля. Как и везде на высокогорьях, сельва Паракаса делилась на три яруса: верхний, высотой в сто – сто двадцать футов, состоял из гигантских сейб, эвкалиптов, кипарисов, гинкго и акаций; средний ярус был представлен бобовыми, омбу, панданусами, пальмами и аралиями, называемыми паракасцами муку-муку, а нижний состоял из различных пексовых кустарников, папоротников, бромелий, орхидей и аронника. Конечно, с высоты Улисс не мог оценить ее снаружи и изнутри.

Аэродром Пикаля – каменная площадка длиной в милю и шириной в пятьсот футов, с тремя бетонными языками разворота и выхода на взлетную полосу – охранялся нарядами полиции и имел пропускную зону. Особенно тщательно проверяли груз отлетающих пассажиров, а вещи вновь прибывающих осматривались формально, в чем Улисс убедился лично.

Охранялся аэродром серьезно, и не зря: уже дважды за историю его открытия случались инциденты со стрельбой – во время попыток контрабандного вывоза золотых и археологических украшений, бесценных реликвий исчезнувших праиндейских цивилизаций Паракаса, оставивших в окрестностях Пикаля заметный след.

Всех прибывающих специалистов экспедиции обслуживали транспортники компании «Птичий глаз», заключившей с правительством страны контракт на комплексное обслуживание всех археологических групп и этнографических экспедиций, и Улисс был доставлен в отель «Ривьера» вполне комфортабельно вместе с веселым французом-археологом Гийомом Карсаком, с которым познакомился по дороге. Инициатором знакомства был Карсак, неплохо говоривший по-испански.

Они поселились в соседних номерах и после необходимых формальностей поехали знакомиться с Пирином, располагавшимся за городом в окружении живописных скал и роскошной зелени.

Пирин представлял собой круглое двухэтажное здание диаметром в сто двадцать футов из алюминия и сипорекса – легкого пористого бетона. Сверху он был похож на спортивный диск с ручкой: в «ручке» прятался хозяйственный комплекс – электроподстанция, водочистка, душевая (вода бралась рядом, в реке под языколомным для европейца названием Пикальотльопока, и все приезжие называли ее короче – Пикалька), столовая, бар, склад и материально-техническая база. «Диск» был собственно гостиницей с небольшим конференц-залом – он же кинозал, фотолабораторией и кабинетом директора. Гостиница еще не работала, хотя многие из приехавших ученых уже в ней жили, как, например, директор Пирина доктор археологии Хулио Энрике Эчеверриа. Но ее открытие было не за горами – ждали приезда начальника экспедиции в Пируа.

На крыше здания были оборудованы солярий и вертолетная площадка. В общем, сделал вывод Улисс, строился Пирин с размахом, и надо признать, строительные фирмы «Птичьего глаза», настоявшие на своем проекте и сорвавшие на этом в ЮНЕСКО немалый куш, свое дело знали.

Вновь прибывших встретил хмурый молодой парень в бело-сером форменном костюме с нашивками старшего администратора и эмблемой «глаза». Звали его Леннард. Американец. Представившись и не дав времени осмотреться, он повел гостей из «карантин-приемника» – холла – по коридору на второй этаж, где располагался кабинет директора. Процедура знакомства не заняла много времени, директор был занят разговором с какой-то молодой женщиной поразительной красоты – судя по смуглому тонкому лицу, испанкой или креолкой. После этого Леннард повел их в жилую зону, не обращая внимания на заявление француза, что он «готов на любые условия, если здесь есть такие женщины!».

– Поселю вас в английском секторе, – сказал администратор. – Каюты уже приготовлены, можете переезжать из отеля хоть сегодня. Надеюсь, нет смысла доказывать, что это удобней, чем каждый день добираться сюда из города.

– Если комнаты уже готовы, то я вселяюсь немедленно, – обрадовался темпераментный Карсак. – Не имеет значения, в каком секторе мы будем жить. Кстати, эта мадам... у директора... тоже сотрудник института?

– Тоже, – сухо отрезал Леннард.

– А как ее зовут? И где она живет?

– Вы задаете слишком много вопросов, а у меня мало времени. Ваши номера на первом этаже, сеньоры, вот ключи. Остальные вопросы – к вашим непосредственным руководителям или к господину Миллеру, это наш квартирмейстер. Всего доброго.

Леннард кивнул и удалился, прямой и чопорный, как настоящий администратор.

Карсак фыркнул, разразился тирадой о несносном характере янки, но Улисс его не поддержал. Они нашли свои комнаты-каюты: каждому досталась отдельная, что, безусловно, явля-

лось роскошью в условиях походно-экспедиционного исследовательского центра, – и с любопытством ознакомились с их внутренним убранством.

Видимо, подбором мебели и обстановки в каютах занимались люди, знающие толк в уюте. Каюта Улисса состояла из двух крохотных комнат: туалетной и спальни-гостиной. Кровать убиралась в стенку, в углу телефон, мини-телевизор «Сони», бар, два кресла и столик в стиле мебели эпохи королевы Анны – под ореховое дерево, гнутые ножки, изящные обводы.

На одной стенке комнаты картина в дешевой раме – библейский сюжет, подражание наивной манере художников пятнадцатого века. Улисс подошел ближе, хмыкнул. Д. Г. Россетти⁶. Копия, конечно, но копия на взгляд дилетанта очень удачная.

На второй стене цветная фотография – не то каньон Колорадо, не то долина Замков: потрясающей красоты горный провал, величественные горные вершины и причудливые скалы, хаос оранжевых, коричневых, алых, черных теней, а на одной из скал – фигурка альпиниста. Значит, комнату готовили именно для него. И готовили, судя по всему, англичане. Или для англичанина, каковым и является Джонатан Улисс, родившийся в Корнуолле более тридцати лет назад.

Улисс походил по комнате – три шага от двери до двери. Интересно, предусмотрено ли в здании кондиционирование в летнее время? Кондиционера не видно. Или у них кондиционирование централизованное? Похоже на то, вон и решетка в потолке – для поддува. Джонатан подставил руку: из отверстия, забранного мелкоячеистой сеткой, шел слабый ток холодного воздуха.

В углу вдруг свистнул телефон. Вероятнее всего, кто-то из администрации Пириня проверяет связь.

Но это был Гийом:

– Осмотрелся? Зайди, полюбуйся на мои апартаменты.

Улисс толкнул дверь каюты француза.

Ультрасовременная обстановка: мебель в стиле «мобайл», на потолке вентилятор, на стенах фотографии почти обнаженных красавиц – «пин ап»⁷, как говорят англичане. Эта комната явно готовилась для любителя обнаженной натуры.

– Как тебе это нравится? – сказал Карсак, улыбаясь во весь рот. Он успел принять душ и вытирал влажные волосы бумажным полотенцем. – Я не ожидал, что у них здесь прямо-таки комфорт! – Он показал на фото красоток. – Узнали, подлецы, мое хобби. Что собираешься делать? Я, наверное, махну за вещами в отель. Надо было сразу сюда ехать, только время потеряли. А ты?

Улисс отрицательно качнул головой.

– Я, пожалуй, ночь пересплю в отеле, поищу своих старых знакомых, они должны были прибыть раньше, а утром перееду.

– Как знаешь. А я пойду поищу ту красотку, что сидела у директора. Интересно, она тоже археолог или из команды обслуживания?

Улисс покачал головой, поцокал языком и вышел, провожаемый смехом Гийома.

Посидев в своей каюте несколько минут, он вдруг с удивлением обнаружил, что тоже думает о женщине, прикидывая, кто она и откуда. Усмехнувшись, Джонатан встал и внимательно осмотрел свою каюту.

Туалетная, сверкающая пластиком под розовый мрамор, была чиста, зато в телефоне обнаружился «микро» – подслушивающий аппарат размером со спичечную головку. Радиус действия «микро» не превышал двадцати ярдов, поэтому приемник должен быть установлен

⁶ Д. Г. Россетти – представитель школы прерафаэлитов – течения в английской живописи середины девятнадцатого века, ставившего целью восстановление принципов искусства раннего Возрождения.

⁷ Пин ап – фото красотки из журнала, приколотое к стене (англ.).

где-то поблизости, в какой-то из кают или недалеко от здания. Кто же это такой любопытный? Неужели во всех комнатах установлены такие «жучки»? Или только в каюте альпиниста Улисса?

Джонатан осмотрел себя в зеркале и остался доволен: полуспортивный костюм – голубая рубашка с погончиками, синие шерстяные брюки, кроссовки – выгодно подчеркивал его фигуру. Неплохо. Пусть всем будет ясно, что идет спортсмен, в меру модный и недалекий, на лице которого написано презрение ко всем дохлякам и интеллигентным хлюпикам.

Вернувшись в отель – подвез фургон «Континенталь», перевозящий продукты для Пирина, – Улисс поужинал в ресторане и отправился по значным местам Пикаля, питаемым в основном приезжими туристами, с интересом разглядывая вывески магазинчиков и лавок, называемых в Паракасе «кикуче». Их было много – в основном продуктовые и овощные лавки, заваленные фруктами, орехами, копченой рыбой, сушеным мясом, и антикварные, торгующие всякой всячиной от статуэток, «сделанных руками инков», до изделий из багасо – бумаги из трухи сахарного тростника или из тростника тоторы. Встречались пикантерии – закусовые, салуны, кинотеатров было два – «Ягуар» и «Кондор», в обоих шли американские фильмы.

Ради любопытства Улисс пару раз заглянул в бары, но обстановка в них была свойственная всем барам: толпа у стойки, пивные автоматы, дым коромыслом, в воздухе витали устойчивые запахи пива и рыбы.

Управление полиции располагалось на улице Кикуйо, где основными торговыми заведениями были газетные киоски и табачные лавки. Запахи в этом районе города плавали необычные: нагретого асфальта, йода и не то корицы, не то кожуры банана. Изредка на улицу, по которой ездили на велосипедах и очень редко на автомобилях, просачивались звуки музыки, смех, возгласы, приглушенный говор и странные щелчки, то одиночные, то сериями, похожие на далекие выстрелы. Заинтригованный Улисс «запеленговал» источник звуков и вышел к тира.

Дверь тира, разрисованная системами оружия, открылась, выпуская группу хохочущих молодых людей в форме летчиков с нашивками эмблемы «Птичий глаз». По-видимому, корпорация прибрала к рукам все хозяйство Пикаля, некуда было глянуть, чтобы не наткнуться на ее всевидящий «глаз». Улисс поколебался немного и вошел.

У стойки с винтовками, пистолетами и автоматами «арвен-37» разговаривали двое: хозяин тира, лысый брюнет с бочкообразным туловищем, и пожилой негр в белом костюме. Третий посетитель, худой длинный хмурый парень, упорно всаживал пулю за пулей в противоположную стену помещения, изредка попадая в мишень.

Оба собеседника мельком посмотрели на Улисса, потом перестали разговаривать и молча уставились на него.

– Добрый вечер, – вежливо пробормотал Джонатан и, чтобы не показаться смешным, подошел к стойке с оружием.

Молодой человек продолжал стрелять из американской винтовки «М-14», ничего не видя и не слыша.

Улисс осмотрел богатый арсенал, из кучи пистолетов выбрал длиннорылый «магнум» с глушителем. Хозяин выдал ему две обоймы и показал мишени: фигурки экзотических зверей, горбоносые профили индейцев, автомашины, вертолеты.

Джонатан сделал пристрелочный выстрел, прикидывая отдачу, ход курка, твердость руки. Потом в три секунды расстрелял обойму, поразив семь мишеней. Лишь в одну мишень он не попал – не то рысь, не то леопард.

Нескладный стрелок рядом смотрел на Улисса, открыв рот.

Джонатан, покачав рукой, определяя усилия для переноса пистолета, сделал еще одну мгновенную серию выстрелов, не промахнувшись на этот раз ни в одну мишень.

– Фаст дреу⁸, – с уважением проговорил хозяин тира басом. – А вы, сеньор, стрелок экстра-класса, такие к нам еще не забредали. Меня зовут Гарсиа, Гарсиа Перрейра. Вы приезжий? Куда – ясно, в П-сентре, а откуда?

– Италия, – сказал Улисс. – Но я англичанин, альпинист.

– О, монтанеро! Уважаю! Буду рад видеть вас у себя чаще, сеньор, вы хорошая реклама моему заведению.

Выйдя из тира, Улисс поздравил себя с удачей: завтра в Пирине все будут знать, что прибывший из Италии альпинист – хороший стрелок, а это не только реклама, но и предупреждение.

В ресторан отеля «Ривьера» Улисс добрался поздно вечером, так и не обнаружив слежки. Видимо, его решили на время оставить в покое, удовлетворившись прямолинейной проверкой «на прочность». Он был тем, за кого себя выдавал.

Ресторан был как ресторан, разве что размерами поскромнее обычных ресторанов Европы. Зал шестиугольной формы, на стенах панно: морские пейзажи с парусниками. В одном из углов на возвышении – музыкальный автомат и пианино, на котором розовощекий юнец в экстравагантном серебристом костюме исполнял что-то в стиле кантри.

Улисс насчитал тринадцать столиков, все были заняты. В центре зала танцевала под музыку всего одна пара. В воздухе витали приятные цветочные ароматы, с потолка тянуло прохладой.

Джонатан прошел к стойке, поздоровался с барменом, ознакомился с перечнем напитков и заказал «Кит-марк тоник» – коктейль из ананасового сока, нескольких капель ликера и долек лайма. Бармен мгновенно выполнил заказ и придвинул вазу с какими-то плодами, напоминавшими виноград, но крупнее.

– Попробуйте местных деликатесов, сеньор, это ягоды жаботикабы. Вы, очевидно, впервые у нас?

Улисс кивнул, не удивляясь прозорливости бармена, отведал синеватый, с глянцем плод, имеющий приятный винный привкус, как у мускатных сортов винограда.

– Ну как?

– Благодарю, превосходно.

Улисс еще раз оглядел зал и вдруг увидел француза Карсака в незнакомой компании, центром внимания которой была давешняя красавица креолка из кабинета директора Пирина. Гийом, судя по всему, был в своем репертуаре, занимая место «души общества» и веселого рассказчика. Женщин в зале было немного, и на собеседницу француза посматривали из-за соседних столиков. Джонатан задержал на ней взгляд и чем больше рассматривал, тем больше убеждался, что девица, во-первых, бесспорно мила, во-вторых, чем-то похожа на известную американскую актрису Джоан Боулд, а в-третьих, не так проста, как хочет казаться. Что ж, ради любопытства можно и познакомиться.

Обогнув танцующих, Улисс подошел к сидящим за столиком, поздоровался и вместе с восклицанием Гийома «Вот и наш альпинист!» получил острый и оценивающий, совсем не женский взгляд креолки. Ого! Это взгляд мужчины, а не красивой девушки! Недаром она даже издали кажется независимой и производит впечатление сильной натуры.

– Знакомьтесь, – сказал Гийом. – Это Джонатан Улисс, альпинист и вообще хороший парень. Анхелика Форталеза⁹.

– Понял.

⁸ Буквально: «быстрое вытаскивание», переводится как «чемпион по стрельбе» (англ.).

⁹ Крепость (исп.).

Улисс осторожно пожал протянутую маленькую руку. На безымянном пальце девушки сверкнул дивной красоты золотой перстень с выпуклым изображением горбоносого индейского лица из матово-черного камня. Порфир, определил Улисс.

– Зовите меня просто Хели, – предложила девушка низким грудным контральто на отличном английском. Глаза у нее были большие, серые, лучистые, и не верилось, что она способна смотреть, как прицеливающийся стрелок.

– А меня можно просто Джо, – ответил Улисс ей в тон, стоически отражая прямой вызов ее взгляда.

Он сел, без удивления отметив, что его бородатый сосед, судя по внешности, скандинав, тоже не сводит с Анхелики взволнованных сверкающих глаз. «Красавец, – с иронией подумал Улисс, – хоть бы крошки выбрал из бороды. Неужели он тоже на что-то может претендовать? Да в его взгляде можно спокойно прочитать все, о чем он мечтает. Господи, я понимаю, что ты не можешь создавать всех умными и добрыми, но и дураков следовало бы делать поменьше, ибо это по крайней мере жестоко!..»

Гийом назвал всех компаньонов, среди которых оказался даже один русский (скандинав был норвежцем, звали его Сигурд Ингстад, русского – Алекс Рыбин), налил Улиссу бокал «Черного рыцаря». Тот пригубил вино и, продолжая незаметную для других дуэль взглядов с Анхеликой (черт возьми, она совсем не робка, эта куколка, и умеет держать себя в незнакомой компании!), пропустил вопрос француза мимо ушей.

– Готов! – сказал Гийом в наступившей тишине и засмеялся. – Хели, вы разите наповал! Джо, старина, очнись.

Джонатан улыбнулся, отпил глоток «Рыцаря» и поставил бокал.

– Не отрицаю, сражен. Но, мне кажется, из вас тоже никто не ожидал встретить в Пикале... В глазах девушки сверкнул иронический блеск.

– Ну-ну?

– Венеру, – вывернулся Улисс.

Компания развеселилась.

– Мы тут беседуем о загадках долины, – сказал русский, полный дружеского сочувствия. – Анхелика – старожил Пируа-института и вообще Пикаля и знает много интересного.

Улисс поймал на себе неприязненный взгляд норвежца. Вероятно, Ингстад уже заподозрил в нем соперника, потому что в его взгляде ясно читались угроза и вызов. Спасибо за откровенность, сеньор Ингстад.

– Очень жаль, что не пришел раньше, – сказал Джонатан искренне. – Меня тоже волнуют загадки долины, в том числе главная – когда я получу гонорар. А если без шуток, то интересно, когда и откуда пришли в долину предки современных аборигенов. Насколько я информирован, культура пируа отличается, хотя и незначительно, от всех древнепаракасских культур викус, уари, окендо, чавин, а также тольтекской и инкской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.